

Анна Музафарова

РОМАН-МОТИВАТОР

ЙОГА

ДЛЯ ИСТИННОЙ
ЖЕНЩИНЫ

То, что меняет жизнь

#больше себя любить

#главное – спокойное
сознание

#я чувствую себя
всесоудей

Анна Музафарова
Йога для истинной женщины
Серия «Это челлендж.
Роман-мотиватор»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48783666

Йога для истинной женщины / Анна Музафарова: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-104914-0

Аннотация

Кате, молодой, симпатичной, умной девушке, с детства твердили: «учись на пятерки», «работай честно и много», «не думай о себе – это эгоизм», в общем, будь Золушкой и все сложится. Она честно старалась успевать за вечно поднимающейся планкой, но в результате ее не ценили, и появилось чувство ужасного одиночества и собственной несостоятельности. Наташа рано осталась вдовой и, полностью посвятив себя детям, к своим тридцати восьми годам превратилась в обрюзгшую тетку. Красавица Тамара потеряла любимого мужа, внутренне заледенела и никак не может впустить в свою жизнь любовь.

Все три героини так или иначе приходят к йоге, и жизнь их постепенно меняется.

Анна Музафарова

Йога для истинной женщины

– А теперь опустите правую руку за спину, левую под бедро и соедините ладони.

«Что?!» – едва не вырвалось у Кати. Все тело дрожит от напряжения, левое бедро того гляди вообще отвалится, а она хочет – что? Чтобы рукикуда? Ненормальная, что ли?

Инструктор поймала ее взгляд и безмятежно улыбнулась, без малейшего усилия соединив руки в замок в какой-то совершенно космической позиции и откинувшись на собственном бедре, как будто то сделано из железобетона.

– Попробуйте расслабиться в этой позе, – посоветовала она.

Кате не хотелось расслабляться. Кате хотелось убивать. Пропади оно все пропадом, подумала она. Йога эта, эта Тамара, которая ее сюда отправила, инструкторша эта проклятая, самое ей место в пыточной камере в застенках инквизиции лет этак пятьсот назад. Да кто вообще все это изобрел? За что? Вышла, называется, на новую работу, раскрыла горизонты сознания. Сидела бы дома, варила борщи, гладила бы котика, никто бы не издевался так над телом...

Катя попробовала опустить руку за спину, закусила губу.

Попробовала потянуться под бедро левой рукой и чуть не загремела носом в пол.

– Да как это вообще возможно? – проворчала она, собираясь с духом поднять колено с пола. Боже, какое это счастье – опустить колено на пол. Она никогда не знала, что есть такое счастье. – У меня рука так не выворачивается.

– Попробуйте еще раз, – посоветовала инструктор с невозмутимостью, которая должна быть уголовно наказуема. – Только медленно. Не забывайте дышать.

Катя с детства привыкла уважать старших и слушаться. Родителей, учителей, руководителей. Она никогда не была бунтаркой. Кто же знал, что, дожив до двадцати семи лет и придя в класс «расслабляющей практики» – вот же чувство юмора у кого-то, – ей нестерпимо захочется не только огрызнуться, а прямо-таки начать кулачный бой. Ну и что, что силенок мало, инструктор небось тоже невелика ростом и комплекцией, уж как-нибудь одолеем. Злость – великая сила.

Катя посмотрела на железобетонное бедро в легинсах с оскалившейся черной богиней Кали и как-то обреченно выдохнула. Скрипнув зубами, подняла колено с пола, добровольно вернувшись в пыточную позицию. Попробовала опустить руку.

Инструктор вышла из позы одним плавным движением, сильная и грациозная, как сытая пантера на прогулке, и подошла к Кате. Катя посмотрела на идеальный педикюр и колечко на втором пальце и тихонечко вздохнула, в который

раз остро ощутив собственную неполноценность.

– Сейчас все получится, – мягко сказала инструктор и бережно отвела Катину руку назад. Что-то шершавое коснулось ладони. – Это ремешок, захватите.

Катя послушно схватила рукой широкий ремень. Инструктор протянула ремешок, пока Катя не смогла захватить его и второй рукой. Мягко, но уверенно инструктор направила Катин корпус выше и влево, пока он не оказался ровно над бедром. Катя ахнула от удивления. Она по-прежнему чувствовала напряжение в бедре, но держать позу вдруг стало заметно легче. Небо и земля, насколько легче.

– И все? – не сдержавшись, спросила она.

– И все, – весело подтвердила инструктор, направляясь в обход зала, аккуратно корректируя позиции других учеников.

– Но ведь руки не соединяются, – недоуменно пробормотала Катя. – И я высоко.

– Ну и что? Зато спина теперь ровная, целостность асаны сохранена. Постепенно плечевой пояс раскроется и руки соединятся. Это не главное.

Главное – спокойное сознание. Принимайте свое тело там, где оно есть, а не там, где вам хотелось бы, чтобы оно было.

Это просто. Это очень просто, подумала Катя, все еще под впечатлением от внезапной перемены. Неужели это может быть так просто и при этом работать?

– Молодцы, аккуратно выходите, ладони на пол – «Собака мордой вниз».

«Собака мордой вниз» тоже давалась Кате непросто, руки дрожали, спина не вытягивалась, пятки не опускались. Но сейчас она совершенно об этом забыла, оттолкнулась руками и потянула что было силы копчик вверх – просто чтобы спине стало приятно.

– Прекрасно, – донесся из глубины зала голос инструктора. – Пять вдохов, пять выдохов. Ровное, свободное дыхание.

Катю вдруг накрыло волной какого-то удивительного спокойствия. Да, у нее дрожат руки, а ладони разъезжаются. Да, она не может простоять так минуту или две. Но она может сделать пять ровных вдохов и пять ровных выдохов – и это все, что от нее требуется прямо сейчас. А если она упадет, мат близко, он поймает. Она улыбнулась и оттолкнулась руками с удвоенной энергией.

– Направьте колени в стороны, таз к пяткам, лоб к полу – отдыхаем.

Как, уже? Посмеявшись над собственным удивлением, Катя опустилась в позу отдыха. Все тело слегка дрожало, как будто под воздействием какого-то веселящего тока. Руки и ноги вибрировали от желания двигаться, которое застало Катю врасплох.

Последний раз она испытывала что-то подобное в далеком детстве – этот импульс, пробегающий по всему телу, сдувающий с места, требующий бежать, играть,

прыгать, лезть на дерево, танцевать – просто так, от радости.

Она забыла, что так бывает. От удивления Катя засмеялась, тихонько, чтобы не потревожить соседей, но остановиться не могла.

Рука инструктора мягко опустилась Кате на спину между лопаток.

– Смех – хорошая реакция, – сказала она. – Не удерживайте его внутри.

Мало того, что у нее бедра железобетонные, так она еще и мысли читает. Даже эта мысль вызвала только улыбку. Катя до сих пор не понимала, зачем Тамара отправила ее сюда и как это должно помочь с ее проблемой, но это больше не имело значения. Она знала в этот момент с абсолютной уверенностью, которая так редко посещала ее в жизни, что придет в этот класс снова. Даже если он никакого отношения к решению ее проблем не имеет, она придет сюда, чтобы почувствовать это еще раз. И еще раз, и еще. И не важно, как коряво у нее получается или что подумают о ней соседи по залу. Совершенно не важно.

Когда Кате было восемь лет, отец впервые забрал ее из школы. В первом классе ее поначалу забирала мама, потом, поддавшись Катиным уговорам, перестала. До школы было рукой подать, да и подружки шли в ту же сторону. Поэтому, увидев отца, зависшего, как призрак, возле ограды, Катя

удивилась и даже подумала, что отец, наверное, пришел не к ней – наверное, у него было тут какое-то дело. Он всматривался с неуверенным прищуром в стайки ярко одетых детей, выпорхнувших на волю после долгого дня занятий, как будто не был уверен, что найдет знакомое лицо. Вдруг не узнает, подумалось Кате, и почему-то это было стыдно. Она почти собралась помахать, но спохватилась в последний момент – вдруг не из-за нее он здесь все-таки, будет позору, если начнет кричать «Папа!» как маленькая.

Она почти протоптала дырку в газоне, пытаясь высчитать, как все-таки правильнее будет поступить, когда он ее заметил, и выражение облегчения промелькнуло по его лицу.

– Катюха! – Он помахал ей рукой – неловкий, скованный жест.

Катя неуверенно приблизилась, мысленно перебирая события дня. Пятерка по математике, но четверка по русскому. «Родной язык надо знать, Катерина». Ругаться будет. Она прикусила губу, подходя ближе.

– Вот и ты, – как-то странно сказал он и ухватил ее за плечо. Отпустил. Ухватил снова. Внезапно, устремив взгляд в пространство, сказал скороговоркой: – Катя, мама умерла. Больше нет мамы.

Катя моргнула от неожиданности и кивнула головой, поняла, мол. Она ничего не понимала. Все слова были знакомыми, но не имели никакого смысла.

Отец что-то еще говорил, бормотал больше, про какого-то

пьяного водителя и «уродов, выдавших ему права», но Катя ничего не понимала, только кивала, потому что отец смотрел на нее, как будто требовал ответа. Как только их глаза встречались, он отводил взгляд и снова начинал бормотать.

Потом была больница, длинные коридоры и странный, затхлый запах, высокий мужчина – мятый белый халат, бледно-зеленая пижама – врач, огромная женщина-медсестра, резкий, громкий голос: «Вам не сюда на опознание, мужчина». Ее взгляд падает на Катю. «Ребенка-то зачем притащил?»

– Ты подожди здесь, Катюха, – сказал отец каким-то сиплым голосом. – Посиди тут на лавочке, никуда не уходи, поняла?

– Поняла, – кивнула она, но так и пошла за ним, потому что руку-то он не отпустил, просто забыл о ней.

Катя не понимала происходящего. Мама умерла, да. Зачем они теперь в больнице? Пока доехали, пока ходят здесь, а ведь у нее домашнее задание и контрольная по английскому завтра, а она еще глаголы не выучила, отложила на последний день. Надо ведь обязательно успеть сделать до ужина, чтобы помочь маме накрыть на стол. Или... как теперь? Маму не ждать, самой накрывать? А если она неправильно накроет, кто же скажет...

Катя вдруг остановилась и села на пол прямо в коридоре, рука безвольно выскользнула из руки отца. Он не заметил, слепо пошел дальше, увлекаемый человеком в мятой зеле-

ной пижаме, от которого противно пахло сигаретами.

Катя долго просидела на полу, пока мозг увлеченно перебирал все эти внезапные «больше не». Мама больше не заплетет косички, не обнимет перед сном, не испечет пирог, не поможет нарисовать аиста, не засмеется над Катиными рожицами, не, не, не...

Пришла толстая сестра, от которой пахло чем-то сладким, увела Катю в комнату с белыми стенами и телевизором и усадила на диван. Она все время что-то говорила, но Катя не слушала, хотя это неуважительно, взрослых надо слушать всегда. Она моргнула, а когда открыла глаза – перед ней была тарелка с большим куском кремового рулета и чашка с горячим чаем. Чай был слишком черный и без сахара, а рулет был розовый, наверное, вишневый, и Кате вдруг нестерпимо его захотелось. Она начала есть, стараясь быть аккуратной, не крошить и даже поискала взглядом салфетку, чтобы положить на колени, как мама показывала. Она облизнула губы, и рулет показался ей странно соленым.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стоял отец, и взгляд его впился в Катю и в недоеденный рулет на тарелке, и Кате вдруг стало нестерпимо стыдно, что она тут ест сладости, пока там – пока...

– Идем, – сказал отец. – Давай быстро.

Кате хотелось сказать медсестре спасибо, но она постеснялась. Отец схватил ее руку почти резко, до боли сжав косточки в ладони. Катя не ойкнула, только попыталась и его

крепче держать, пока они шли к выходу.

На ступеньках отец остановился, посмотрел под ноги, потом на далекий нахмурившийся горизонт и, наконец, на Катю, увидев ее, как ей показалось, впервые за этот странный день. Плечи его опустились.

– Теперь только ты и я, Катюха. Только ты и я.

Катя кивнула.

– Ну вот, а это как раз твое рабочее место, – прощепетала Алина, указав Кате на стандартный офисный стол углом, девственно чистый, если не считать монитора и клавиатуры. – Устраивайся, IT-инструктаж у тебя в час, они тебе подключат почту и серваки, тогда введем тебя в систему. Туалет в конце коридора, чай-кофе вон в том углу, кулер за стойкой. Столовая внизу, ну да мы за тобой придем, не волнуйся. Если есть вопросы, я сижу через ряд.

Катя улыбнулась, стараясь держаться увереннее, чем себя чувствовала.

– Спасибо большое. Если что, я подойду.

«Устраивайся» – это только звучит хорошо. По Катиному опыту, первый день на новой работе – это всегда праздник неловкости, когда тебе еще нечего делать, и ты пока никого не знаешь, а выглядеть уже нужно профессионально и сосредоточенно. Она осторожно опустилась на стул и проверила, на месте ли все колесики. На первой своей работе она так села и тут же очутилась на полу. На этот раз стул не подвел. Катя поставила сумку на стол, но тут же схватила ее об-

ратно, попробовала убрать в ящик стола, как рекомендовала статья по деловому этикету, но размеры сумки были гораздо внушительнее скромных возможностей ящика. Пришлось поставить на пол. Как на вокзале – припомнилась ей безжалостная фраза автора статьи. Катя прикусила губу.

Вокруг нее офис жил своей жизнью, звонили телефоны, шуршал листами принтер, где-то слева и сзади звонкий женский голос громко вопрошал, с каких это пор некто Василицын считал себя экспертом по детскому питанию. Раздался смех. На Катю никто не обращал внимания, даже не смотрел в ее сторону, как будто она была невидима. И в этом невнимании не было чего-то колюче-враждебного, не было даже ощущения, что все это нацелено на нее. Просто жизнь шла мимо, а Катя оставалась в стороне. Она и хотела бы включиться, влиться в общий бурный поток, но не знала, как. Другая бы прошла по комнате, представилась коллегам и за час уже была бы в курсе, у кого дети в какой класс ходят, кто на диете, а кто в прошлом году покорял Килиманджаро.

Катя же сидела на стуле как приклеенная, перелистывая свой ежедневник, всматриваясь в него с таким интересом, как будто хотела обнаружить тайны бытия на его страницах. Желудок сжался в тугий комок, и, как она ни старалась выпрямиться, плечи упорно опускались. Со вздохом она прикрыла на секунду глаза.

Примерно такое же чувство она испытала неделю назад, гуляя на свадьбе подруги. День получился замечательным,

волшебным и веселым. Динара светилась изнутри, а Димка не отводил от нее взгляда, только что вилку мимо рта не проносил. И все было легко и радостно, пока отец невесты не начал говорить свой тост. «Динарочка всегда была особенная, – осипшим от эмоций голосом сказал он. – Никак не хотела играть с другими в детстве, все больше сама. Я так рад был, что у нее появились подружки, особенно такие хорошие девчонки, как вы, мои родные. Сколько лет уж вместе, поддерживаете друг друга, помогаете. Я до вас и не верил толком в женскую дружбу, но вы меня переубедили. Добрые, хорошие, все красавицы. Очень я рад, что вы у Динары есть. И хоть из вас из всех она у меня последней выходит замуж – и я волновался по этому поводу, не скрою, но сейчас вижу, было, зачем ждать. Дмитрий, смотри, большая ответственность на тебе...»

Дальше Катя, признаться, пропустила много мимо ушей, потому что не последняя Динара выходила замуж. Была ведь еще и Катя, и добро дяде Ринату об этом не вспомнить, но все подружки уставились на нее как по команде, включая невесту. Дима, и тот посмотрел. Динара глазами так сделала, терпи, мол, и прости, ну папа, что с него взять. Катя улыбнулась и головой покачала, но внутри вдруг стало жарко-жарко и едко так, как будто кислоту разлили. Кожей почувствовала, как на нее другие гости смотрят. На торт даже смотреть не смогла, во рту сладко, а в глазах слезы.

И не то чтобы ей так уж сильно хотелось замуж. Но вро-

де бы время пришло и даже чуть ли не прошло – шутка сказать, двадцать семь стукнуло в прошлом месяце. Родители ее поженились на пятом курсе, подружки тоже не тянули, пару лет как институт закончили и нет-нет да повыскакивали замуж. Даже бунтарка Машка остепенилась, кольцо из губы вынула (в носу оставила, правда), курить бросила и вон, снова круглая, как головка французского сыра, дома сидит, второго ждет.

А Катя и рада бы поддержать компанию, но все не получается. Ей всегда было тяжело с мальчиками. Хихикать и глазки строить – это целая наука, которой никто не научил, а своего таланта не досталось. Как в классе ритмики когда-то в детстве учительница наблюдала-наблюдала за ее мучениями и в конце урока не выдержала, вздохнула: «Как же ты, деточка, такая деревянная...» Катя так и чувствовала себя всю жизнь – деревянной. Учиться на пятерки было легко, усидчивости и ответственности хоть отбавляй. Дом всегда чистый, опрятный, чтобы отец, проведя пальцем по полке в гостиной, не увидел пыли. Готовить даже научилась сама, потому что от сосисок тошнило, да и отец скучал по маминной кухне. У Кати не получалось, как у мамы, по его словам, но эту планку было не покорить, и даже отец признавал, что Катина еда лучше замороженных обедов.

Любая область, где нужно было приложить усилия и честно поработать, покорялась Кате прекрасно. Но в отношениях с противоположным полом усилиями и умом не преуспеть, и

тут Катя терялась совершенно. На школьных дискотеках жались по углам. В клубах, куда подружки таскали в институте, было немногим лучше. Как посмотреть, что сказать, говорить ли вообще, а не странно ли это – Катя чувствовала себя инопланетянкой в совершенно непонятном мире.

Ухаживавший за ней на втором курсе аспирант был почти таким же робким, как и Катя. Он водил ее в «Макдоналдс» и увлеченно рассказывал о новом эпизоде «Звездных войн» и о своей диссертации, что-то там про физику элементов. Когда дело дошло наконец до постели, все произошло так быстро и сумбурно, что Катя не поняла даже, что все уже закончилось. Катя поморгала растерянно в ответ на неожиданный вопрос: «Ну что, тебе понравилось?» – и медленно кивнула, потому что чувство неловкости и какого-то странного то ли стыда, то ли веселья зашкаливало. Очень хотелось засмеяться, но пришлось бы объяснять, а она и сама не понимала, что смешного, только догадывалась подспудным чутьем, что нанесет обиду, и пересилила себя. Они встречались полтора года, а потом он сказал: «Мне нужно сосредоточиться на науке», и Катя должна была расстроиться, но почему-то только облегченно вздохнула.

Два года спустя на дне рождения подруги познакомилась с Валерой. Он красиво ухаживал, дарил цветы, подвозил домой, приглашал на ужин в дорогие рестораны. Катя смущенно улыбалась, принимая букеты – цветы почему-то почти никогда не пахли, хотя были безупречно прекрасны. В ресто-

ранах Катя чувствовала себя неудобно. Как бы тщательно она ни подбирала одежду, ей никогда не удавалось выглядеть «на уровне». Света одолжила свое платье Prada, но и это не помогло, хотя взгляд Валеры так и загорелся. Катя чувствовала себя самозванкой, и ей казалось, что все посетители ресторана видят ее насквозь.

С одной стороны, секс с Валерой был намного лучше. Не фейерверки в небе, конечно, как расписывала Маша, но все-таки. Другое дело, что – в те редкие моменты, когда Катя позволяла себе в этом признаться – с ним было невыносимо скучно. Поначалу она думала, что он поддерживает разговор исключительно на общие темы из вежливости, а мнения ее спрашивает из уважения. Но со временем поняла, что у Валеры просто не было как таковых интересов и увлечений, а вопросы он ей задавал в том же режиме, в каком другие люди переключают радиостанции – ищут что-то под настроение. Единственный его интерес – тяга к дорогим вещам, ресторанам и образу жизни – не вызывал у Кати никаких эмоций.

«Прояви инициативу, – посоветовала ей та же Света. – Пригласи ты его куда-нибудь. Красивый, статный парень – надо же просто правильно окучить».

Катя не очень понимала в «правильном окучивании», но идти в очередной «Савой» не хотелось, и она позвала Валеру на скалодром. На линии повисла странная пауза, и Кате пришлось повторить вопрос.

«Да нет, я тебя слышал, – странным голосом произнес Ва-

лера. – Ну, если хочешь».

Ох, не надо было этого хотеть. Валера приехал с работы в дорогом костюме. Пока инструктор показывал, как закрепить страховочное снаряжение, Валера бледнел, краснел и шипел от малейшей складки, обозначившейся вдруг на идеально отглаженных брюках. Катя попыталась его отвлечь, но Валера ее как будто не видел, а когда она пошутила, что, мол, даже слегка помятый, он все равно одет лучше, чем все остальные посетители вместе взятые, он посмотрел на нее так зло, что Катя отшатнулась.

Дальше дело не улучшилось. Катя, не отличавшаяся особой ловкостью, тем не менее цепко держалась за опоры, а когда срывалась, только смеялась от удивления. Валера же лез вверх с таким упорством, как будто собирался покорять Эверест, ноги то и дело соскальзывали, мышцы на руках напрягались, но, как ни старались, не могли его поднять далеко, рубашка из тончайшего хлопка с добавлением шелка прилипла к спине от пота.

Удивительно, но, чем больше злился Валера, тем хуже Катя себя чувствовала. Руки, только что уверенно захватывавшие выступы, вдруг слабели и отказывались работать, ноги не могли найти опору. Пришлось вернуться вниз с полпути. Она и Валере предлагала, раскаявшись в своей затее, но он только упрямо покачал головой и, сцепив зубы, полез выше.

Катя долго лежала спиной на мате, глядя вверх. Вме-

сто железных балок купола она воображала голубое небо и пушистые белые облака, проплывающие вдаль. Постепенно возбужденные голоса скалолазов-любителей, сигналы инструкторов, звуки вентиляции и шелест тросов слились воедино и исчезли, оставив Катю одну между землей и небом, без единого якоря, связывающего ее с происходящим.

Когда Валера спустился наконец вниз, его лицо покраснелось от физической нагрузки. Он тяжело дышал, но выглядел почти воодушевленным.

«Ты видела? Нет, ты видела? Я все-таки ее достал! Положил руку на самую макушку».

Катя призналась, что не видела. За обратный путь Валера не сказал ей ни слова.

Их роман развивался медленно, а сошел на нет внезапно, как будто захлопнули ворота. Катя грустила, но больше не о Валере, а о том, что опять ничего не получилось. Ведь могла бы, если бы захотела. Ведь парень был не парень, а мечта – на три года старше, с квартирой, машиной, работой, порядочный, ответственный, собой хорош, опять же. Просто мечта родителей, хотя Катиному отцу Валера почему-то не нравился. И дело было не в скалодроме, конечно, скалодром можно было «отработать». Но в Кате как будто сломалось что-то в этот момент, и не захотелось ей ничего отрабатывать.

«Не любила ты его, вот и все, – вынесла вердикт Света, а Маша с Динарой согласно кивнули. – Ничего. Когда влюбишься, увидишь – все по-другому будет».

Катя кивнула, не столько согласившись, сколько приняв к сведению, убрала новый факт на дальнюю полку где-то между оптимальным методом хранения свитеров в шкафу и таблицей умножения. И притаилась в ожидании.

После Валеры были еще Паша и Антон, но их даже и романами-то было нельзя назвать, так, встретились пару раз, в кино сходили, в боулинг поиграли. И пропали. Паша молча, а Антон позвонил и как-то невнятно объяснил, что не кликнуло, мол, ты хорошая девушка, Катя, но...

Катя переживала, но не столько от личной обиды, сколько от крепнущего убеждения: со мной что-то не так.

Другие влюбляются направо и налево, ветер подул – все, готово дело, бабочки в животе, розовые очки на глазах, романтика в воздухе. А Катя все думает, думает. Встретит кого-то и думает, и понять не может. Причем не то чтобы в очередь к ней женихи стояли, отнюдь. Нет у нее страстных черных очей, как у Динары, или четвертого номера, как у Светы – перед такой грудью двери сами открываются; нет ни осиной талии, ни хрупких плеч, как у Маши. Катя – обычная, из таких, про кого говорят: «Ничего особенного». Симпатичная, но таких миллион. Нет в ней изюминки, какой-то загадочности, того самого *je ne sais quoi*, которое заставляет мужчин оборачиваться вслед.

Катя всегда это понимала. Были у нее какие-то иллюзии в детстве, но закончились годам к четырнадцати. Она помни-

ла этот момент с отчетливой ясностью – как крутилась перед зеркалом и так и эдак, собираясь на вечеринку к подруге. В новом платье, впервые в жизни с помадой, все вертелась и что-то поправляла, никак не могла привыкнуть к себе, полувзрослой и какой-то совсем другой. Отец оторвался на минуту от газеты, посмотрел на ее старания и сказал: «Да не выпендривайся ты, иди уже. Посадила мать лютик, вот и цветы, нечего орхидею из себя строить».

Отец был прав, конечно, но Катя ужасно расстроилась. Хочется же быть орхидеей, а кому в четырнадцать-то лет не хочется? И в двадцать хочется, и в тридцать, наверное, будет хотеться. Ведь не сразу понимаешь, что никакие журналы, никакие tutorиалы на Ютубе, и никакой бюджет не превратят тыкву в «Мерседес», а Катю в роковую красавицу. И, хоть и горько было себе в этом признаваться, Катя постепенно привыкала.

Другое дело, что компенсировать было нечем. Катя сообразительная, но не настолько, чтобы взяли в «Что? Где? Когда?» или, к примеру, ракеты строить. Пробовала она быть доброй, как Белоснежка, но выходило не очень. С «золотым сердцем» как-то не складывалось – если наступали на ногу в транспорте, злилась, если лезли перед ней без очереди – тихо закипала, а если отец критиковал котлеты или называл лютиком – расстраивалась. Как ни пыталась она воспитать у себя щедрое сердце, не получалось. Иначе влюблялась бы не только в бездушного Шерлока в исполнении Бенедикта

Камбербэтча, но и в Пашу вот или в Антона.

«У тебя слишком высокая планка», – заключала Света.

Маша пожимала плечами: «Да просто не нужно это тебе пока».

Динара обнимала и предлагала познакомить с очередным другом Димы, который и Шекспира читает, и под гитару поет. Вскоре, правда, выяснялось, что поклонник Шекспира видел книжку в детстве и помнит по обложке, а единственная гитара в доме – та, что от видеоприставки, но Динара была большой поклонницей теории, что за количеством рано или поздно последует качество.

Катя начала уклоняться от обсуждения своей личной жизни, что было несложно. Жизнь подруг настолько изобиловала событиями, что недостатка тем для разговора они никогда не испытывали, а слушала Катя хорошо. К тому же были и плюсы в ее ситуации – не пропадали свидания, если она задерживалась на работе, не нужно было оправдываться, если приходилось работать в выходные, а работала Катя много.

Но и на работе не все шло гладко. Работала Катя, а повышали почему-то коллег. Вот и на последней работе получилось ужасно несправедливо: Катя целый год проект готовила, не жалела ни вечеров, ни выходных, даже партнеров нашла, хоть и сложно ей всегда было с незнакомыми людьми, но уж очень горело. В конце года даже босс отметил, как он гордится реализованным проектом и как все хорошо поработали. Вот только премии получили почему-то все, кроме Кати.

Она не за премию работала, конечно, но ощутила несправедливость, как пощечину. До такой степени было обидно, что даже собралась с духом и пошла в отдел кадров разбираться. Директор по кадрам посмотрела на нее с большим удивлением: «Как, а ты разве тоже участвовала в проекте?»

Подруги бушевали от возмущения и требовали, чтобы Катя отстаивала свои права. Но Катю при мысли о том, что надо кому-то доказывать свою компетентность, бросало в краску. Может, и правда, если руководство не видит и не ценит, значит, просто недостаточно хороша? Это в общем правильно, что Катя не орхидея. Слава богу. На орхидею всегда все смотрят, а Катя под напором чужого внимания только что дар речи не теряет. Вот и получилось, что о ходе работы докладывала всегда болтушка-хохотушка Лиза, а на брифингах Катины идеи зачитывал своим хорошо поставленным звучным голосом Паша. Они-то точно знали, сколько Катя на себе протащила. Но и они промолчали, и это кажущееся предательство коллег стало последней каплей. Катя положила заявление на стол.

На новом месте все должно быть по-другому. Это Катя решила твердо. Она не очень понимала, как этого добиться, ведь желудок не перестал сжиматься под пристальным взглядом начальницы, а голос не делался тверже, когда она рассказывала о своих достижениях на собеседовании. (Резюме ей составляли всем миром, потому что, по убеждению подруг, Катя была безнадежна.) Но пришло четкое осозна-

ние: так дальше продолжаться не может. Что-то должно измениться, ведь жизнь не может состоять из проглоченных обид, «недовлюбленностей» и котлет, которые никогда, *никогда* не будут такими, как у мамы. Катя не знала, как подступить к переменам, или даже какую форму они должны принять, но ощущения, что вплотную подошла к критической точке, не теряла.

Было странно сидеть за чистым пока столом, окруженной плавно бурлящим шумом незнакомого офиса, и чувствовать непоколебимую уверенность: так дальше жить нельзя, стоп, баста.

И это было прекрасное чувство, гордое, решительное, распирающее грудь. Но за ним стоял новый вопрос: а как дальше? И вот тут-то и поджидала пугающая бездна неизвестности и тишины, как белое пятно на старой карте, где раньше писали «тут живут чудовища». Заглядывать туда, даже близко подходить было страшно, но пути назад не было.

Катя сделала глубокий вдох и одним движением, в котором было гораздо больше решимости, чем она ощущала, закрыла ежедневник и отодвинула его от себя. Откуда-то из детства вспомнилось: *пора не пора, я иду со двора...* И неизвестно, чем бы все это закончилось, но, к счастью, в этот момент к ней подошел парень из IT-отдела и посмотрел на нее с типичным пессимизмом IT-специалиста. Не отвечая на ее робкое приветствие, он начал бормотать заклинания над ее рабочим столом, вызывая непонятные окна, как демонов

из глубин преисподней, и преодоление себя пришлось отложить на потом.

Новые коллеги действительно пришли за ней ближе к двум и повели на первый этаж в кафетерий. Катя приободрилась, день уже не казался ей таким мрачным. В самом деле, не во всяком офисе есть свое кафе – вот ей еще одно подтверждение правильного выбора. Коллеги-рисечеры вели себя дружелюбно, улыбались, расспрашивали Катю про старую работу и, перебивая друг друга, рассказывали рабочие анекдоты про пока неизвестных Кате персон.

Кафетерий немного напоминал школьную столовую, но был чистым, светлым и распространял божественный аромат жареной картошки. Только сейчас, оказавшись перед буфетом, Катя поняла, как проголодалась. Картошечки, да, а еще котлету по-киевски, панировка так и светится, и морс, и десерт, вон тот с кремом, раз коллеги говорят, что вкусно. Катя почти устыдилась своей жадности, но другие набирали ничуть не меньше, Алина еще и пирожок прихватила, а Люда халву.

Они уселись за большим столиком, продолжая шумный разговор, перекидываясь парой слов с проходившими мимо коллегами и попутно поясняя Кате, кто есть кто и чего от них нужно ждать. Катя сомневалась, что в ее скромной позиции аналитика ей придется много общаться со «старшими по званию», но, как обычно, слушала внимательно. Разговор

вскоре перешел на общие темы, и Катя не без облегчения сосредоточилась на вкусной, хотя и немного жирной еде, продолжая поглядывать по сторонам.

И тут вошла Она.

Катя даже есть перестала, вилка застыла на полпути ко рту.

Появившаяся на пороге столовой женщина была поразительной. Сказать, что она была красивой, даже невероятно красивой, значило не сказать ровным счетом ничего.

Она поражала воображение. Темные гладкие волосы элегантной волной спускались по плечу, обнажая справа длинную колонну шеи с безупречной фарфоровой кожей. Густые, идеальной формы брови, тонкий прямой нос, высокие скулы и полная линия губ придавали лицу аристократичности, но даже они отступали на второй план на фоне глаз – огромных, удивительного темно-синего цвета в щедром обрамлении ресниц. Безупречный макияж, естественный маникюр. Безукоризненный стиль, весь образ – от нежно обнимающего фигуру кашемирового свитера до утонченных лодыжек танцовщицы, подчеркнутых формой юбки и высокими, но не безумными каблуками, которые стоили, наверное, больше, чем весь Катин гардероб вместе взятый – был невероятно притягательным и в то же время легким, словно именно в таком виде она встала с утра с кровати.

Катя медленно опустила вилку и даже рассеянно кивну-

ла в ответ на какой-то вопрос коллег, но ее внимание было приковано к невероятной незнакомке. Катя не могла отвести глаз от того, как она двигалась – с достоинством, окружавшим ее как облако, но в то же время удивительно свободно, с природной, незаученной грацией. Катя была не единственной, кто провожал незнакомку взглядом, почти все посетители столовой наблюдали за ней – мужчины открыто, женщины исподтишка. Как только она наполнила свой поднос, молодой человек, сидевший за столиком в центре, подскочил так резво, что чуть стул не опрокинул, торопясь пригласить ее за свой столик. Она улыбнулась, величественно, но в то же время тепло, и покачала головой, сопроводив отказ словами, которых Катя не расслышала. Последовали и другие приглашения, но незнакомка и здесь вежливо отказалась и вместо этого устроилась в одиночестве за небольшим столиком у окна, оставив позади себя шлейф разочарования, щедро сдобренного уважением и восхищением.

«Как она это делает? – билось в голове у Кати. – Да, красива, конечно, но ведь это не все, здесь же что-то еще, что-то, для чего нет даже слова, волшебство какое-то»...

Катя вдруг представила себя рядом с этой красоткой и чуть не засмеялась в голос. Невозможно будет даже поверить, что они принадлежат к одному биологическому виду. Эта женщина олицетворяла собой все, чего Катя так отчаянно хотела и от чего была так бесконечно, безнадежно далека.

– Что, влюбилась? – поддразнила ее Алина тихо.

Катя покраснела, сообразив, что сидела чуть только не с открытым ртом. Коллеги засмеялись, и Катя через секунду присоединилась, приходя в себя.

– Кто это? – спросила она, не в силах сдержать любопытство.

– О, это Тамара Авдеева, ее величество вице-президент по стратегическому развитию, – протянула Алина саркастично. – Звучит гордо, да? Издалека видно, чем она наверх пробивалась.

– Ну зачем ты так, может, у нее мозг есть под всеми этими подтяжками и кутюром, – сказала Люда, разрезая котлету так, что масло брызнуло во все стороны. – Ой, сорри.

– Это она тебя сглазила, – засмеялась Оля, отодвигаясь от Люды на всякий случай. – Она ж ведьма. Напрасно ржете, я вам серьезно говорю. Чуть кто что не так про нее скажет, сразу что-то приключается. Я вот на той неделе сказала, что все только думают, что она с Марьяновым спит, хотя он женат, а она спит и с ним, и с Капотиным. Так у меня в ту же ночь какие-то выродки колесо прокололи, пришлось в метро бежать, по дороге каблук сломала. А вы все не верите.

– Почему не верим – верим. – Алина пожалала плечами и уточнила: – В Капотина. Когда в Сингапур на неделю за счет компании катают, тут сложно не поверить. А вот в порчу твою извини, тут ты сама разбирайся.

– Я слышала, что она раньше стриптизершей работала, – сказала Люда. – В каком-то клубе в Солнцево. Представля-

ете, что там за клубы в Солнцево? А как в тираж вышла, пошла устраиваться куда потеплее. Диплом купили, резюме нарисовали, и вот вам, пожалуйста, вице-президент.

– Хм, – протянула Алина. – Не знаю. Я здесь четыре года, и она здесь уже работала, когда я пришла.

– Ну и что? – Люда пожала плечами. – Все равно все сходится. Ей же сто лет. Ты не смотри, что морда гладкая. Были б у тебя такие деньги, как ей за красивые глаза выдают, ты бы тоже пришла в тайский спа, там бы из тебя еще не такую куклу сделали.

– Ей не сто, а сорок два, – сказала Алина. – В прошлом месяце же отмечали, я у эйчарши спросила.

– Ну, это все равно.

Катя не могла поверить в то, что слышала. Какие подтяжки? Какая стриптизерша? Разве они не видят то, что видит Катя? Никакие спа ни за какие деньги не превратят тебя в такую королеву – это же изнутри идет, как же они не чувствуют?

Катя посмотрела на Тамару, которая сидела вообще-то не так уж далеко, а голоса девушки не утруждались понижать. Но если она и слышала пересуды, то никак этого не показывала, а спокойно наслаждалась своим ланчем. Салат какой-то у нее на тарелке, заметила Катя, много зеленого и – фасоль это, что ли? Или какие-то зерна? Катя не помнила, чтобы видела что-то такое в линии раздачи. Рядом стакан воды с ломтиком лимона. Воды, впрочем, Тамара едва каса-

лась. Катя посмотрела вниз на свою плавающую в масле картошку. Хм.

Коллеги перевели разговор на предстоящий брифинг, и Катя наострила уши, но нет-нет и поглядывала на Тамару, как заколдованная. Внутренне она все пыталась примерить слова коллег, но они отскакивали от Тамары рикошетом. А потом без всякого предупреждения Тамара подняла вдруг глаза и посмотрела прямо на Катю, застав ее врасплох. Катя моргнула и покраснела, но прятаться было глупо и недостойно, раз уж поймали. Тамара улыбнулась ей с какой-то понимающей грустью, как будто она слышала все до последнего слова и эти слова ее не задели и не расстроили, а только заставили почувствовать Кате по какой-то необъяснимой причине. Мгновение растянулось, как смола. Катя чувствовала себя беспомощной, как пойманная в паутину бабочка. А потом Тамара отвернулась к окну и устремила свой бесконечно синий взгляд в хмурое ноябрьское небо. Катя почувствовала, как внутри все сжалось в предчувствии падения, как будто гигант поднял ее внезапно к небесам, а потом так же неожиданно и бездумно разжал пальцы.

– Пойдем, – сказала Алина, выдергивая ее из задумчивости. – Я уезжаю на встречу к клиенту, а мне нужно еще успеть показать тебе систему.

Катя кивнула и поспешно собрала свой поднос. На пороге столовой она обернулась с какой-то непонятной ей самой надеждой, но Тамара не смотрела на нее, она была увлече-

на разговором с импозантным мужчиной в стильном костюме, который присоединился к ней за столиком. Как странно, подумала Катя. Мужчина был из разряда тех, на ком обязательно, будь на дворе хоть апокалипсис, остановится женский взгляд, но до этого момента Катя его даже не заметила.

– У тебя появился хвостик, – поддразнивающим тоном сказал Алексей.

Тамара посмотрела на него с вопросом, внутренне жмурясь от удовольствия при виде небрежной, мужественной грации, с которой он захватил кресло для посетителей у дальней стены ее кабинета. Лодыжки перекрещены, руки за головой – сытый лев растянулся на солнце. Ей нравился Алексей. Нравился хитрый прищур, который появлялся в его глазах, когда он был в таком настроении и дразнил ее, будто мальчишка, дергающий за косичку соседку по парте, а не владелец многомиллионного бизнеса. Много можно было простить за этот прищур, даже Сингапур.

Хотя нет. Сингапур, пожалуй, все-таки нет. Пока, во всяком случае.

– Вон же, – Алексей показал подбородком, и Тамара проследила его взгляд сквозь стеклянную стену кабинета в общую комнату. – Девчушка новенькая, аналитик. Вчера все пыталась хвост завязать, как у тебя. А сегодня смотри: туфли – копия твоих.

Копия, подумала Тамара, внутренне усмехнувшись. Ох, мужчины. Где вам понять разницу между Manolo Blahnik

и «Центрообувь»? Хотя Алексей был как раз из таких, кто очень даже понимал, и, значит, дразнит ее специально, вон и усмешка притаилась в уголке губ. Усмешку до смерти хотелось поцеловать, чтобы не выглядел таким самодовольным, хотя самодовольство ему удивительно шло. Но – офис, работа, профессионализм. Она сама установила правила, и, как бы ни хотелось закрыть жалюзи одним нажатием кнопки, как бы он ее ни провоцировал, она не будет их нарушать.

– Да, хорошая девочка, – сказала вместо этого она, наблюдая, как Катя-новый-аналитик споткнулась в очередной раз, зацепившись за кабель острым носком туфли. Просто полоса препятствий эти кабели по всему полу. Айтишники еще неделю назад обещали все убрать в короба, так и не собрались. Придется напомнить, пока половина офиса себе ноги не переломала. – Зря только ты ее в это болото отправил. Она пока свеженькая, незашоренная. Пара месяцев с ними – и будет как все.

– Слушай, у нас прекрасные рисечеры. Что ты на них зубочишь?

Она нетерпеливо повела плечом.

– У нас рисечеры, которым ничего не интересно. Ты когда-нибудь видел ученого, которому ничего не интересно? Это не ученый, а так, бюрократ. Я тебе давно говорю, их там всех встряхнуть пора, а ты их все по шерстке гладишь. Ну ладно, дядя у Пашковой твой друган, но свежую кровь-то им зачем скармливать?

– Ну, а куда ее? – Нахмурившись, Алексей переключился в деловой режим и выпрямился в кресле. – Тебе лишний аналитик не нужен, у тебя полный штат.

Тамара пожала плечами.

– Умному человеку всегда место найдется.

В общей комнате Катя встала было со стула, но тут же села обратно, зацепившись юбкой за выступ подлокотника, отцепила, встала, не удержала равновесие и снова споткнулась о тот же провод.

– Умному, – усмехнувшись, протянул Алексей, наблюдая, как Катя, красная до ушей, скованной походкой направляется к принтеру. – Тут вопрос, как она и до сих пор жива с такой сообразительностью. Хотя не могу не признать, то, что она именно тебе подражает, все-таки очко в пользу интеллекта.

Тамара покачала головой, но ничего не сказала, оставив без внимания лесть и не отвечая на критику. Она посмотрела на слипшиеся пластыри на Катиных лодыжках, сквозь которые проступала кровь, и перед глазами у нее встали сухие, но такие говорящие строчки из резюме: «Диплом бакалавриата с отличием», «Магистратура с отличием», «свободный английский», «разговорный испанский». Сервантеса читала в оригинале. Тамара вздохнула.

– Ты по делу пришел или так, развлекаешься?

Он моментально забыл о Кате, вытянулся в кресле чуть не

в стойку, как пес, которого позвали на прогулку.

– Хотел тебя увидеть. – Он улыбнулся, но неуверенно, пытаясь угадать ее настроение.

Тамара посмотрела на него задумчиво. Он редко позволял себе личные моменты на работе, слишком полным был его рабочий график. По ее опыту, это означало, либо что его день складывался очень хорошо, либо что он хотел отвлечься от стрессовой ситуации любыми способами хоть на какое-то время. Он не был небожителем, но на свете было не так много вещей, способных заставить Алексея Капотина ощутить на себе давление стресса. Ее взгляд задержался на его плечах, слишком нарочито расслабленных. Она откинулась на спинку кресла, без труда удерживая его внимание.

– Мы же вечером увидимся, – произнесла она, добавив в голос несколько капель обещания. – А сейчас мне нужно работать.

Он развел руками, улыбаясь.

– Я тебя разве отвлекаю?

Она выпрямилась в кресле, перевела взгляд на монитор.

– Отнюдь. Но если бы я хотела быть живой картиной, я бы согласилась участвовать в перформансе, когда Слава просила. Не могу вспомнить, какая у нее была тема... Кажется, «Фрукты и девушки», что-то про историю страсти. Или «Дикие цветы и дикие девушки»? Надо уточнить, а то, может, зря отказываюсь.

Как и ожидалось, он скривился.

– Ты нарочно это сейчас сказала, чтобы отбить у меня аппетит.

– Ты обедаешь с Гашинским, у тебя и так нет аппетита.

– Ну вот, а теперь совсем нет. Одни панк-натюрморты перед глазами.

Она улыбнулась и не ответила, но про себя довольно кивнула. Он выглядел сейчас гораздо больше собой, чем минуту назад.

– Как бы меня ни радовали твои страдания по искусству, мне нужно утвердить две стратегии, – сказала она. – Дверь вон там.

Он встал, изобразил, что нахмурился.

– Как грубо. Я пожалуюсь на тебя руководству.

Она засмеялась.

– Да, и заодно передай ему, что он пропустил пятнышко под подбородком, когда брился утром.

Он соорудил гримасу.

– Я опаздывал.

Что само по себе тоже было нехарактерно, но Тамара решила, что дальнейшее уточнение обстоятельств можно отложить на потом. Алексей был человеком прямолинейным и удивительно честным. Если бы проблема была серьезной, он бы сказал. Или скажет еще в свое время. Ему можно было доверять.

– Ну вот, и сейчас опоздаешь, если не поторопишься. Останется третий раз – и выбьешь страйк.

– Ладно, ладно, – он вскинул руки, сдаваясь, отступая к двери. Ухмыльнулся. – Знаешь, для человека, который отчаянно сопротивлялся каждый раз, когда его хотели повысить, ты удивительно любишь командовать. – Он поймал ее взгляд. – Все, все, ушел.

Тамара подождала, пока дверь за ним закрылась. Невольно вспыхнувшая улыбка медленно сошла с лица.

Она не любила служебных романов и никогда их не искала, но они следовали за ней всю жизнь. В какой-то момент она поняла, что, если революцию нельзя подавить, ее нужно возглавить, и сама встала за штурвал, выбирая, к каким берегам направить корабль. Это дало ей ощущение контроля, она перестала наконец чувствовать себя жертвой обстоятельств – хотя бы в одном этом аспекте. Ее новое положение было где-то даже приятным, хотя в довесок к свободе выбора добавилось ощущение, что она постепенно становится злодеем в собственной истории – настолько легко давались ей ее победы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.